

Актуальность и необходимость коммунизма

Initiative Sozialistisches Forum

ноябрь 1985

Коммунизм – это мечта о всестороннем освобождении человека, тоска по окончании всех условий, при которых человек является угнетаемым и подвластным, жалким существом. Это мечта о той “вещи”, не только понятие которой было утеряно, но и общественная сила, которая могла воплотить её при помощи революционной практики. Но актуальная невозможность коммунизма служит доказательством против его необходимости только для обывателя.

Коммунизмом называется фундаментальная предпосылка для того, чтобы общество развивалось в лучшую сторону и чтобы категорический императив о снятии всех условий эксплуатации и бесправия, наконец-то, стал ненужным. Коммунизм, в первую очередь, есть производство самих форм общественного общения.

Одним из существенных принципов коммунизма, в котором он отличается от всяческого социал-демократизма или экологического реформизма, заключается в том, что различия в уме и в умственных способностях не обуславливают различий в потребностях; т.е. что неверный, обоснованный нашими неправильными условиями лозунг “Каждому по заслугам, каждому по способностям”, когда он относится к праву на наслаждения, должен быть превращён в лозунг “Каждому – по потребностям”. В этом – центральный принцип коммунизма, что различия в деятельности и способностях не могут оправдывать неравенства, имущественных и потребительских привилегий. Коммунизм означает справедливый конец состояния, при котором голод не служит причиной производства, а потребность – причиной удовлетворить её иначе, чем согласно финансовых возможностей. Коммунизм есть равенство без уравнивания, свобода без закона, без деспотического различения на “истинные” и “фальшивые” потребности. Капитализм – это диктатура над потребностями, коммунизм – диктатура потребностей над производством.

Коммунизм обосновывает это требование в критике капитала и труда. Он требует упразднения капитала и индивидуального присвоения общественного богатства, он является требованием упразднения труда и установления права на безделие. Он не является, как утверждает народная молва вкупе с практикой “реального” государственного социализма, более эффективным администрированием труда и

справедливостью лишь при распределении продуктов. Свобода – это не капиталистическое или реально-социалистическое превращение общества в фабрику. Труд есть принуждение, а не наипервейшая потребность. Коммунизм не борется за право труда, но за его упразднение. Он борется не за всеобщую обязанность трудиться, а за обобщение роскоши и за освобождение от труда и экономики. Коммунизм является ни чем иным, как реализованным общественным наслаждением.

Коммунизм не претендует на знание, что “хорошо для человека”. Что было бы верным выводом из “истинной природы человека”, его не интересует. Ему достаточно знания о практике упразднения общественно организованной невозможности счастья. Поэтому коммунизм не имеет патентованного рецепта для создания хорошего, истинного, прекрасного человека; он не знает, что такое “человек” и каким он должен быть. “Смысл жизни” он бесплатно уступает попам и довольствуется изобличением бесчеловечности. На “человека” коммунизму наплевать, т.к. он заботится о людях.

Коммунистический принцип, что различия в деятельности, будь то на фабрике, в бюро, будь то мусорщика или профессора не оправдывают различий в праве на наслаждение и праздность, является не антропологией, а просто результатом того, что это люди, которые работают. Правда коммунизма проста: сложным является лишь его реализация.

Критика репрессивного равенства всех, того, как она устанавливается диктатурой капитала, заключается в том, что это противоречит логике, когда свобода индивида должна простираться так далеко, насколько его потребности могут быть переведены в рыночный спрос. Капиталистическая свобода есть лишь высшая форма диктатуры ассортимента.

Экономика коммунизма – это экономика времени, времени, затраты которого измеряются не абстрактно в деньгах и ценности, а конкретно в пользе созданных потребительских стоимостей.

Экономика времени желает не принуждения к рационализации, а прозрачности экономики для производителей общественного богатства. Экономия служит не аккумуляции прибыли, а освобождению для конкретной деятельности. Не понятно, почему жизненное время одного должно цениться больше, чем время другого, когда сама жизнь “бесценна”, не может быть измерена в деньгах, а только лишь в субъективной и индивидуальной потребности. Является ли разумным усматривать “смысл жизни” в чтении детективов в ванне, игре в “дурака”, в пьянстве и разврате – сам этот вопрос не имеет смысла. Коммунизм исходит из того, что людям нужен не смысл жизни, а приятная жизнь. Коммунизм не критикует праздный достаток без работы, а требует его для всех.

Коммунизм противостоит фетишам капитала и государства, труда и природы. Символы веры либерализма и социальной демократии, иконы консерваторов или экологов интересуют его лишь как масштаб общественных заблуждений. Коммунистическое равенство не есть равенство парад деньгами или перед законом, равенство подчинения принуждению “заслужить” себе жизнь или влачить её в отупляющей гармонии с природой. В отличие от социал-демократического государственного и от государственно-социалистического трудового фетишизма коммунизм является критикой как обуржуазивания, так и пролетаризации человечества. Не освобож-

дение посредством государства, а освобождение от государства как упразднение общественного аппарата насилия – его программа. Социал-демократическое хобби – дрессировка государства при помощи законности, демократизации и парламентаризма, содержание Левиафана в качестве домашнего животного – для коммунизма дикая глупость: кто озабочен не упразднением формы государства, а улучшением формы правления, кто заканчивает реформы или революцию сменой элит, становится жертвой легализма и работает, как в Чили 1973-го года, на свою собственную гибель. Слепая надежда, что парламентское большинство гарантирует перемены в обществе, не замечает того, что суверенитет означает решение о чрезвычайном положении, но не его парламентскую регуляцию.

В другой форме государственный фетиш усиливает либеральные или консервативные галлюцинации о рынке как о месте уравнивающей справедливости в политике.. Но подобно тому, как для государственного реформатора двойственная природа государства – быть государством правовым или социальным – остаётся книгой за семью печатями, так и для буржуа его собственная экономика является загадкой. Законы движения его экономики являются для него ещё большей мистерией, чем для католиков чудо “разжижения крови” (1), а астрологическая консультация по вопросам конъюнктуры давно уже более надёжна, чем годовой отчёт совета ведущих экономистов, и по этому считается в налоговой службе обычной производственной затратой и списывается с налогового бремени. Буржуа хотя и боится плановой экономики как чёрт святой воды, но если он стоит перед финансовым крахом, то не стесняется звать на помощь “сильное государство”.

В отличие от экологического фетишизма природы, в конце концов, коммунизм не стремится к превращению человека в аскета и защитника ландшафтов, или даже к борьбе с человеком как с вредителем и паразитом экологическом круговороте. Напротив, он критикует представление о природе как о товаре, как некой, якобы, бесплатной предпосылке создания капитала.

Коммунизм есть критика власти человека над человеком, критика подчинения и эксплуатации, суть и источник постоянного обновления и воспроизводства которой лежит в отношениях наёмного труда и капитала. Капитализм является интегралом всех тех форм власти, всех тех методов превращения человека в телесную упаковку рабочей силы, в одарённый способностью работать на фабрике труп, которые до сих пор породила история. Капитал присвоил себе устаревшие формы эксплуатации и – от патриархата до рабства и принудительного труда – превратил их в условия своего собственного существования. Высвобожденное производство во имя прибыли, бесконечное и бесцельное накопление капитала постоянно воспроизводит все предыдущие формы власти.

Всякий капиталистический прогресс есть ещё один шаг в пропасть. Диалектика капиталистического развития показала, что взрывающий систему, несущий вместе с освобождением рабочего класса конец всяческой классовой власти, антагонизм наёмного труда и капитала обращается в простое, внутрисистемное противостояние – если исторический момент пролетарской революции был упущен. Классовая борьба становится мотором капиталистической аккумуляции; он мутирует в простой элемент динамики системы. Рабочий класс превращается в сословие временно наделённых производственными функциями государственных граждан, чьи эконо-

мические или политические движения ставят капитал перед экзистенциальными требованиями. Ибо капитал, не существующий в форме наделённого разумом существа, движется лишь в сумме частных, эгоистичных отдельных капиталов в условиях конкуренции, склонен к разрушению источника своей жизненной энергии, живого труда. Лишь коллективное действие наёмных рабочих за тарифную или законную защиту вынуждает его к принятию условий самосохранения. Сколь многообразны действия за ограничение рабочего времени, за прожиточный минимум, за социальное страхование и т.п. – столь ограничен их объективный результат: разрешение государству как идеальному общественному капиталисту ратифицировать всеобщие условия ведения дел.

Капитал воспроизводит себя поверх своего предполагаемого противоречия и этим подтверждается печальная правда Марксова анализа, согласно которому интересы капитала и наёмного труда являются двумя сторонами одного и того же отношения. “Одна (сторона) обуславливает другую, как ростовщик и растратчик взаимно дополняют друг друга”. Классовая борьба служит основанием монетаризации, а узаконивание потребностей – функциональной, внутренней логики и жизненной силы условий эксплуатации. Его официальные управляющие, профсоюзы, торгуют рабочей силой так же, как прочие концерны-монополисты холодильниками или пушками.

Собственно антагонистическая диалектика царит между “природой” как основой человеческого общества вообще и её по-капиталистически профитабельно организованным разрушением. Так капитал подрывает возможную свободу. Общество, собранное в единый блок, сталкивается с природой и ведёт войну слепого самосохранения не на жизнь, а на смерть. В лице природы оно, собственно, разрушает само себя; опустошение планеты идёт рука об руку с опустошением человека и его способности революционным путём присвоить себе общественное богатство и перейти от войны к союзу с природой.

Правда этого понятия природы есть ложь экологически окрашенной политики. Правда, что вещество всего общественного богатства – это природная материя, и человеческий труд является не источником, а лишь оформлением и присвоением этого богатства, т.е. правда о том, что природа является условием общества вообще и общество, таким образом, является частью природы – это понимание становится экологической ложью, что подчинение природы является делом бесклассового общества из 60 миллионов распоясавшихся эгоистов (2), которым следует в вопросах защиты природы начать с себя. Покорение природы невозможно без покорения человека, подчинение человеческой природы служит предпосылкой продуктивного разрушения природы. Разрушение природы предполагает разрушение людей, превращение их в живые трупы – и им тогда тоже совершенно всё равно, если им приходится после механического мучения за конвейером идти домой под кислотным дождём.

В экологически окрашенной политике жизнь становится мистификацией жизни, простое выживание становится самым смыслом жизни. Обман начинается с иллюзии, что общественная война против природы действительно возможна без раскола общества на классы, без разделения на умственный и физический труд, без власти и эксплуатации. Она берёт своё начало с результатов, никогда не продвигаясь к причинам.

Правда всеобщей угрозы человеческому роду становится для экологически окрашенной политики неправдой всеобщей заинтересованности в сохранении рода. В этом экологическое мышление повторяет все фетиши буржуазного общества. Экология как политическая практика является чем-то вроде негативного либерализма, организовавшегося в автономное политическое движение и обнаруживающего своё естественное политическое выражение в призыве к реформе образа жизни, к революции духа без классовой борьбы: “Общественный интерес перед интересом частным”.

С гегемонией “зелёной” политики над жалкими остатками социально-революционной оппозиции вновь водворилась тирания потери памяти и всегда доброй, но не обучаемой воли, содрогнувшейся лишь на один исторический миг в 1968-м году. Реальная эмансипация посредством снятия классового общества сменилась на всеобщую галлюцинацию заинтересованности человечества в выживании. “ÖкоРах” (3) – картель школьных учителей, отчаявшихся профсоюзников, защитников животных, “истинных” социал-демократов, уполовинившихся социалистов, “больше не верящих в Маркса”, но не задающихся вопросом: была ли вера когда-либо разумной, т.е. людей доброй воли, которым хочется вообще хоть во что-нибудь верить и иметь какой-нибудь смысл – этот единый фронт дружелюбных идеалистов с явным националистическим душком совершил снятие революционной политики в любвеобильной благотворительности.

Фиктивная бесклассовость экологического интереса отражается лишь в негативной бесклассовости самого буржуазного общества, снятие рабочего класса при условиях и средствами буржуазного общества. Это состояние, обозначающее верх отчуждения, обобществление варварства для экологии служит поводом отпраздновать всеобщее братание человечества. Экология есть либерализм без потаённого знания о своей ограниченности: она свежа, набожна, радостна и несвободна.

Фиктивная бесклассовость – это бесспорный фундамент экологического неолиберализма, и определяет мышление и политику своих основных фракций. На место либерального равенства на рынке, консервативного или социал-демократического перед государством и законом, заступает равенство перед природой. Упрямо-государственная реальная политика, начинающаяся с фатальной мечты о парламенте как о центре власти, или националистически окрашенный, породнившийся с терапевтическим оккультизмом фундаментализм: течения “Зелёных” повторяют самые старые буржуазные схемы, как если бы они были оригинальными и правдивыми. “Новые социальные движения”, считающие, что формируются как срез общества и представляют общие интересы, т.е. лобби неродившихся морских котиков и немецких лесов, являют собой симптом стабильности власти – не терапию, но часть болезни, не конец превращение человека в наёмного рабочего, но его радикализацию из общественного в природный характер.

Пред лицом этого актуальность коммунизма парадоксальна. Необходимость революции находится в обратно пропорциональном отношении к её возможности. Категорический императив перевернуть все условия, в которых человек является униженным, порабощённым, покинутым, презренным существом, стал просто мечтой о “вещи”, которую больше никто не может постигнуть. Актуальность требования “Каждому по потребностям” – реализуемого только посредством упразднения

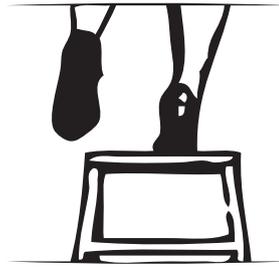
наёмного труда, посредством права на лень – в официальном, равно как и в альтернативном сознании является лишь симпатичным анахронизмом. Буржуазное общество поставило коммунизм в музей; классовая борьба окончена, не завершившись, и этот негативный конец продлевается в бесконечной истории власти над людьми и разрушения окружающей среды. В слепой ярости против конкретной жизни беснуется буржуазное общество, уверенное в своём могуществе.

Но актуальность коммунизма утверждается в той правде, что нет никакой власти в том, чтобы поступать неверно только потому, что верное (ещё) не возможно. Коммунизм, не сумевший перейти от теоретической к практической критике капитала и государства и сменить оружие критики на критику оружием, находит своё недобровольное действие в развенчании неверного.

Примечания:

- 1) «Чудо» несворачивающейся крови святого Януария в итальянском городе Сан-Геннаро.
- 2) Имеется ввиду население ФРГ середины восьмидесятых годов.
- 3) ÖkoРах — основанная в ФРГ в начале 80-х группа, занимающаяся вопросами мира и экологии.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Initiative Sozialistisches Forum
Актуальность и необходимость коммунизма
ноябрь 1985

Скопировано 09.12.2020 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=1584>
(Опубликовано в: *Das Ende des Sozialismus, die Zukunft der Revolution. Analysen und
Poetiken, 1990*)
Перевод с немецкого.

ru.theanarchistlibrary.org